

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

— Что такое предательство, — сказал Критик, — это вроде бы очевидно. Вроде бы! Но лишь в простейших и привычных случаях. Стал человек шпионом враждебной страны — предатель. Перешел на сторону врагов в войне — предатель. Да и в таких случаях порушили все критерии. Вон предателя Власова в национального героя превращают. А представители «пятой колонны» Запада вошли в высшие слои российского общества и в высшую власть. Так что если когда-то очевидность и была, теперь она испарилась.

— А вы думаете, ясность в терминологии тут может изменить положение?

— Нет, конечно. Но ведь вы хотите ясности лично для себя, не так ли?

— Я понимаю, заниматься логическим анализом понятий — дело скучное. И к тому же почти для всех нежелательное. Дело в том, что почти все наши проблемы, если точно определить понятийный аппарат, банальны. А у нас миллионы прорвались к безудержной болтовне. И все стремятся в словоблудии утопить свое скудоумие, запутать суть дела, компенсировать неспособность к делу болтовней, скрыть трусость, продажность и все такое прочее словесным мусором. И рассчитывать на какое-то просветление умов было бы наивно. Но мы-то можем потерять на это хотя бы час-другой.

— Разумеется.

— Вы учили диалектику...

— Как все.

— Конечно. Но все-таки должны знать, что всякий прогресс противоречив. Прогресс нравственности был одновременно прогрессом безнравственности. И трудно сказать, в чем люди более преуспели — в первой или во второй.

— Думаю, во второй.

— Согласен. В той сфере, к какой относятся явления предательства, прогресс оказался явно не в пользу преданности, верности, надежности, а в пользу предательства, неверности, ненадежности. Так вот, в интересующей нас сфере человечество прошло путь от немногих примитивных и очевидных форм индивидуального предательства до массовых, изоциренных и скрытых форм. И в определении понятия это надо принимать во внимание.

Простейший случай предательства есть отношение между двумя людьми. В этом отношении судьба одного человека существенным образом зависит от другого. Первый доверяет второму, уверен в том, что второй выполнит свои обязательства по отношению к нему. Второй имеет определенные обязательства по отношению к первому, осознает эти обязательства, знает, что первый доверяет ему, надеется на него в этом их отношении. Это отношение может быть закреплено словом, обещанием, клятвой, традицией, привычкой, общественным мнением, правилами морали, юридическими законами. Если второй человек не выполняет своих обязанностей по отношению к первому в этом их отношении, то это называется словом «предательство» — второй предает первого.

Более сложные случаи предательства — когда партнеры отношения, о котором я говорил, суть один человек и группа людей, группы людей с обеих сторон, объединения многих людей, большие массы людей, целые народы и страны. Например — отношение между правительством и подвластным населением страны, между лидерами партии и прочими членами партии, между партией и представляемым ею классом и т.д. Вырожденный случай — когда человек, группа людей или вообще человеческое объединение предает самого себя. Но и в этом случае происходит удвоение — человек или объединение людей фигурирует в разных аспектах или берется в разное время. Например, человек может предать свои жизненные принципы ради каких-то других целей или невольно совершить поступки, которые играют предательскую роль по отношению к нему самому (в другое время или в другом отношении). Аналогично возможно самопредательство человеческих объединений. Даже целый народ может сыграть роль предателя в отношении самого себя. Думаю, что нечто подобное случилось с нашим народом после 1985 года.

В другом аспекте усложнение ситуации предательства происходит за счет того, что принимается во внимание третий компонент — враг (человек, группа, большое объединение), в пользу которого совершается предательство, который провоцирует предательство, способствует ему, использует его. Классический образец этого — две враждующие страны, граждане одной из них предают свою страну в пользу враждебной.

В третьем аспекте усложнение идет за счет усложнения участников отношения предательства, увеличения числа действия, образующих в совокупности предательское поведение, разнообразие этих действий, растянутость во времени т.д. Образец этого — руководство одной страны проводит предательскую в отношении своей страны политику в пользу другой страны, враждебной ей. Среди действий этого предательского руководства могут быть такие, которые по отдельности не являются предательским, но совокупность которых образует предательство.

— Кто несет ответственность за предательство?

— В простейших случаях индивидуальных предательств это очевидно: сам человек, совершивший предательство. Тут применение моральных и юридических критериев трудностей не представляет. Ну а если участники некоторой ситуации — большие человеческие объединения? Например, целая армия капитули-

рует, как это случалось в войне 1941—1945 годов. Если командование приказывает сложить оружие и солдаты это приказание выполняют, кто они — предатели или нет? А как оценить поведение командования, которое решает, что борьба бесполезна? Возникают ситуации, когда люди оказываются не в состоянии сдерживать клятву. Тут возникают трудности с оценкой поведения людей. А в случае с целой страной и ее руководством положение неизмеримо усложняется. Тут каких-то всеобщих критериев оценки поведения нет. Моральные и юридические нормы тут фактически теряют смысл. Во всяком случае, общепризнанный и узаконенный кодекс норм для таких случаев отсутствует. Действует общественное мнение, политические соображения, традиции и т.п.

— Вы, таким образом, различаете морально-юридический и социологический подход к явлениям предательства. Верно ли, что первый подход уместен в отношении индивидуальных поступков людей, а второй — в отношении поведения объединений людей?

— Поведение объединения есть совокупность поступков его членов. Точнее говоря, тут нужно принимать во внимание, кто в объединении ответствен за его поведение как целого и как определены отношения членов объединения с точки зрения ответственности за поведение объединения.

— Имеются ли какие-то особые социальные закономерности предательства в социальном смысле?

— Конечно. Они не изучены научно и не описаны. Например, в случае коллективного предательства моральная и юридическая ответственность членов коллектива уменьшается с увеличением коллектива. Начиная с некоторой величины коллектива, моральная оценка его поведения как предательства теряет смысл. Когда все предатели, предателей нет. Для оценки поведения людей как предательства нужны другие люди, стоящие над ними или независимые от них. Для наказания одних людей за предательство нужны другие, имеющие силу осуществить это. Если таких людей нет, предательство остается ненаказуемым. Предательство высших и сильнейших людей обычно не наказывается как такое.

— Бывает предательство осознанное и неосознанное, преднамеренное и произвольное.

— Да. И в советской ситуации неосознанное и произволь-

ное предательство сыграло роль огромную. Но неосознанность и непроизвольность не лишают поступки статуса предательства. Другое дело — они зачастую не оцениваются как предательство, не наказываются или слабо наказываются, не мучают совесть предателей. Таково большинство предательств в ситуации, о которой мы говорим.

— Обратимся к нашему отечественному предательству, равного которому не было в истории человечества. В этом мы действительно побили все мировые рекорды и поднялись на недостижимую высоту. Что это — дело случая или нечто закономерное? Конечно, и случайности сыграли свою роль. На прошлом заседании мы говорили о таком случае. Но наше предательство было подготовлено всем ходом советской истории. В этом смысле оно не случайно. Вместе с тем, оно логически не следует из социальных законов реального коммунизма. И в этом смысле оно не является закономерным. Так что будьте осторожны с терминологией. Не поддавайтесь власти фетишизма многосмысленных слов.

— Вы сказали, наше Великое Предательство подготовлено всем ходом советской истории. С какого ее момента?

— Я предлагаю не исторический, а социологический подход к проблеме. Второй подход предполагает историзм, но не сводится к нему. Нам важно рассмотреть важные компоненты и вехи процесса подготовки предательства. Разумеется, охватить всесторонне и систематично этот процесс не сможем. Мы вынуждены отбирать упомянутые компоненты и вехи его. Начнем хотя бы с оргии доносов, начавшейся в тридцатые годы.

— Донос сам по себе не есть предательство. И не есть советское изобретение.

— Верно. Но донос становится средством и школой предательства в определенных условиях. Донос есть явление общечеловеческое, а не специфически советское. Он процветал и в дореволюционной России, в наполеоновской Франции, в гитлеровской Германии. В западной цивилизации он возник вместе с христианством (вспомните Иуду!). В многовековой истории христианства он сыграл роль не менее значительную, чем в кратковременной истории русского коммунизма (вспомните инквизицию, использование исповеди!). В советской истории доносы сыграли роль огромную, а тридцатые годы были годами буйства доносов.

— Как относились к ним тогда?

— Двойко. С одной стороны, мы приучались смотреть на них как на явление аморальное, порицаемое с моральной точки зрения. Поскольку доносы касались близких людей (родственников, друзей, коллег), они расценивались как предательство. Доносчик как предатель был частым литературным и пропагандистским персонажем. С другой стороны, система доносов искусственно насаждалась сверху в массовых масштабах. И доносчики поощрялись. Им внушали, что они выполняют священный долг перед страной, народом, партией, светлыми идеалами коммунизма. И хотели этого власти или нет, система массового доносительства стала колоссальной, государственно-организованной школой предательства для миллионов людей. Причем, учтите: главным в этой оргии доносов были не тайные осведомители органов государственной безопасности, — их было не так уж много, — а добровольные энтузиасты, сочинявшие миллионы доносов в самые различные органы власти и в средства массовой информации, а также открытые доносы в виде выступлений на всякого рода собраниях и в виде публикаций (книги, статьи). Вся страна превратилась в арену доносительства. При этом предательство в отношении друзей, родственников, сослуживцев стало неотъемлемым элементом доносов. Доносительство перерастало в массовое предательство миллионов людей в отношении своих соотечественников. Более того, оно переросло в предательство коллективное.

— В чем тут различие?

— Массовое действие есть действие, совершаемое большим числом людей, но каждый человек совершает это действие индивидуально. Коллективное действие есть действие, совершаемое коллективом людей как единым целым. Доносы писали многие люди, но каждый делал это отдельно от других. В крайнем случае, донос подписывала группа людей.

— А как коллектив делал доносы?!

— Тут была изобретена своя технология. Дело тут в том, что коллективная жизнь советских людей была насыщена всякого рода собраниями. А собрания — это критика и самокритика, разоблачение и осуждение недостатков и их виновников, принятие решений, осуждающих членов коллективов, и т.д. Что творилось в этом отношении в органах власти и управления, в творческих организациях, в учебных заведениях и т.д., сейчас трудно себе вообразить. Коллективные погромы коллег снимали ответствен-

ность с каждого члена коллектива по отдельности. Верность слову, дружбе, чести и т.п. стала явлением исключительным.

— В послесталинские годы об этом стали писать в художественной литературе и показывать в фильмах.

— Но это осталось неизученным научно. Коллективное предательство стало привычным явлением советской жизни, причем — ненаказуемым морально. Тут каждый по отдельности не предатель. Предатель — все вместе. Ответственность должна ложиться на тех, кто возглавляет коллектив. А с них ответственность снимается тем, что они выполняют распоряжения свыше.

— А как связаны индивидуальные и коллективные предательства?

— Коллективы принимали решения и определяли судьбу отдельных людей на основе индивидуальных доносов или используя их как средство в коллективных действиях.

— После того, что у нас произошло после 1985 года, надо, на мой взгляд, в корне пересмотреть оценку сталинских репрессий тридцатых годов.

— В какую сторону?

— В сторону их оправданности и даже необходимости. Я много думал на эту тему. Сейчас я на сто процентов убежден в том, что не будь их, мы погибли бы еще до войны, во всяком случае — в первые же недели войны. Конечно, были перегибы, пострадали многие невинные, всякие негодяи грели руки на этом. Но в основе своей в правящих кругах и так или иначе связанных с ними кругах на самом деле возникали группировки, которые логикой борьбы выталкивались в лагерь врагов, становились на путь предательства. Сама борьба за построение нового общества породила раскол людей на враждебные лагеря. И противники сталинской политики так или иначе пополняли ряды потенциальных и актуальных предателей.

— Насчет Троцкого это очевидно. А Каменев, Зиновьев, Бухарин?

— Тоже.

— И Тухачевский?!

— Тем более. Вы знаете, мне нелегко дался такой пересмотр позиции.

— А творческая интеллигенция? Известные ученые?

— В брежневские годы быть антисоветски настроенным считалось правилом приличия в интеллигентских кругах. Эта тен-

денция наметилась уже в сталинские годы. Чуть русский человек возвышался в своей сфере, он ощущал себя безнаказанным и начинал «куражиться». Это у нас в характере. Какая-то генетическая безответственность.

— Но сталинские репрессии, пресекая предательства, вместе с тем создавали основу для будущих предательств.

— Совершенно верно! Реальная диалектика жизни. Вся деятельность советской власти по созданию и укреплению нового социального строя одновременно ковала будущих предателей этого строя.

— И выковала их в изобилии. Вся КПСС оказалась из предателей. А это около 20 миллионов!

— Все, что происходило, казалось бы, хорошее в нашей истории, происходило так и имело такие последствия, что это хорошее оказывалось более чем плохим. Так произошло с десталинизацией страны, осуществленной хрущевским руководством.

— Но ведь все считали десталинизацию благом. А Хрущева теперь считают предтечей Горбачева.

— Вот именно. Но в каком смысле. Я не буду касаться социальной сущности хрущевского «переворота». Скажу лишь об одном его аспекте, связанном с темой нашего разговора. Никто не обратил внимания на этот аспект: я имею в виду то, что миллионы сталинистов во главе с самим Хрущевым (а он был сталинским холуем!) молниеносно предали своего вождя Сталина и превратились в активных антисталинистов. Я не помню ни одного случая, чтобы кто-то публично выразил преданность Сталину и сталинизму. Вся десталинизация в целом прошла как массовое предательство, инициатива которого исходила с высот власти и в которое было вовлечено почти все активное советское население. Она явилась своего рода генеральной репетицией того рокового всеобщего предательства, которое было совершено по инициативе горбачевского и затем ельцинского руководства.

— Хрущева вовремя скинули.

— Но по другим причинам. А факт предательства не был оценен как таковой. Хотя отдельные люди говорили о предательстве, но не в том смысле, в каком мы видим его сейчас. Превращение сталинистов в антисталинистов не было оценено как предательство.

— Как отказ миллионов марксистов от марксизма, как выход

миллионов коммунистов из КПСС в горбачевско-ельцинские годы.

— Верно. Массы советских людей уже были натренированы на предательство.

— Хотя в брежневский период была предпринята попытка остановить эпидемию предательства, остановить ее полностью не удалось. Она приняла другие формы, пошла по другим каналам. Главные из этих каналов — диссидентское движение, эмигрантская волна, «самиздат», «тамиздат». Главную роль в поддержании эпидемии предательства стали играть западные организации и учреждения, занятые в ходе холодной войны разложением Советского Союза, и создаваемая ими «пятая колонна». Вся эта масса предателей нового типа фактически финансировалась Западом и всячески поддерживалась им. В нее попадали случайно отдельные честные люди. Но в массе это была армия сознательных предателей именно Советского Союза и советского коммунизма — антисоветская и антикоммунистическая эпидемия.

— Она в какой-то мере захватила и вас?

— Увы, да. Видите ли, я с юности сформировался как критик советского коммунизма. Я не имел представления о целях и масштабах холодной войны, какая велась Западом против нашей страны, не знал реального Запада, был уверен в незыблемости Советского Союза и советского социального строя. Я использовал ситуацию, чтобы опубликовать свои книги на Западе. Я не сразу сообразил, что стал орудием Запада в борьбе против моего народа и моей страны и оказался в лагере предателей. Когда я это понял, я стал писать другие работы и предупреждать о надвигающемся предательстве и крахе страны.

Надо всегда помнить о том, что у нашей страны был могучий враг — западный мир, что шла холодная война. Наши внутренние предатели формировались этим врагом, поддерживались им, подкупались им. Они ориентировались на этого врага. Не будь его или будь он слабее и менее активным, такой эпидемии предательства не было бы. Ее сумели бы заглушить.

— Западные службы, занятые в холодной войне, сознательно рассчитывали на предательство?

— Конечно. В них работали квалифицированные и осведомленные люди. Они знали о предательствах сталинских лет. Они знали о капитуляции миллионов советских солдат в начале войны 1941—1945 годов. Они знали о десталинизации именно с точ-

ки зрения массового предательства. Западные службы прямо ставили своей задачей создание в Советском Союзе «пятой колонны». У них была разработана технология этой работы.

— Например?

— Одним из приемов их работы было выделение особых личностей, особенно в сфере науки, культуры, идеологии. Эти личности противопоставлялись прочей массе их коллег и сослуживцев. Их превозносили в средствах массовой информации на Западе, а прочих унижали, превращали в объект издевательств. Их печатали на Западе, устраивали их выставки, приглашали к себе, платили большие деньги. В силу логики внутренних взаимоотношений первые превращались в вольных или невольных предателей, заражая прочих завистью и духом предательства. Я думаю, что жажда отнять у диссидентов и критиков режима мировую славу, зависть к ним сыграла важную роль в превращении Горбачева в эпохального предателя. Этот интеллектуальный кретин и моральный подонки не устоял перед соблазнами, которыми умело манипулировал Запад.

— Значит, наше советское массовое предательство было умышленно спланировано и организовано силами Запада. Это касается и диссидентского движения, и эмигрантской эпидемии, и националистических движений?

— Тут нужно проявить диалектическую гибкость мысли. Отдельные явления такого рода возникали и независимо от Запада. Запад оценил их важность, поощрил их, вложил в них средства и силы, организовал их как массовые. Диссиденты получали паблисити на Западе и в пропаганде на Советский Союз, кампании в их защиту, материальные средства. Имело место даже политическое и экономическое давление на советские власти. Для эмигрантов заранее готовились места работы, давались хорошие подачки. Раздувался и национализм. Создавались особые националистические центры и организации. Намечались лидеры диссидентского и националистического движений. Им создавалась репутация. Аналогично было с религиозными движениями.

— Но почему это предательство?

— Само по себе это все не предательство. Но это все было связано так или иначе с предательством. Ведь во все это были вовлечены советские люди, в огромном числе совершавшие предатель-

ство в том или ином смысле, включая работу в пользу секретных служб западных стран.

В начале войны в плен сдавались боеспособные воинские части и даже целые армии. В чем дело? Антисоветчики и антикоммунисты объясняли это ненавистью к советскому социальному строю (к коммунизму). Конечно, отчасти это имело место, но лишь для ничтожной части людей. Я пытался объяснять это тем, что солдаты в массе не имели возможности для индивидуальной борьбы с врагами. И отчасти это было верно. Но лишь отчасти. Я сам был свидетелем случаев, когда можно было сражаться с немцами, а целые части добровольно сдавались и без приказов высшего начальства сложили оружие. Так что введение Сталиным особых заградительных отрядов в тылу у ненадежных частей было абсолютно правильной защитной мерой. И советские солдаты стали мужественно и самоотверженно сражаться, будучи поставлены в условия, когда отказ от сражения стал угрожать им гибелью.

— Так в чем же дело?

— Думаю, что сыграло роль качество человеческого материала. Различные народы имеют разную склонность к предательству. У нас, русских, эта склонность довольно сильная. Русское хозяйство, угодничество, покорность перед силой, хамелеонство и т. д. естественно переходило в соответствующих условиях в предательство.

— А героизм?! А Матросов, панфиловцы, оборона Бреста?!

— Одно другого не исключает. На одного Матросова приходились тысячи трусов, шкурников, паразитов.

— Но мы победили!

— Да. Но главным фактором победы, на мой взгляд, был советский социальный строй и сталинское руководство. Благодаря им тот же самый человеческий материал стал важнейшим фактором победы. Сталинское руководство осталось верным стране и идеалам коммунизма. Оно объявило самую беспощадную войну всяким явлениям предательства. Как вы думаете, что случилось бы, если бы сталинское руководство дрогнуло и встало на путь предательства?

— Страна была бы немедленно разгромлена.

— Говоря о человеческом материале, надо иметь в виду характер народа как целого, а не как суммы отдельных индивидов — факторы массовой психологии (или психического состояния на-

рода как целого). И среди этих факторов важную роль сыграло то, что советский народ в течение семидесяти лет нес на себе тяжелый груз исторической миссии. Он устал от него. Он воспринял контрреволюционный переворот как освобождение от этого исторического груза и поддержал переворот или, по крайней мере, не стал ему препятствовать, не задумываясь над тем, к каким последствиям приведет это освобождение. Никому в голову тогда не приходила мысль, что советский народ, сбрасывая с себя груз исторической миссии, тем самым капитулировал перед врагом без боя — совершал предательство в отношении самого себя.

— Что развязало эпидемию массового предательства?

— Вся эволюция предательства, о которой мы говорили, сконцентрировалась в горбачевско-ельцинском предательстве. Новое здесь присоединилось то, что предательство осуществилось как компонент диверсионной операции Запада, завершившей холодную войну. Горбачев как глава партии и государства снял запрет на предательство, и подготовленная лавина предательства сокрушила страну.

— На ком лежит ответственность за это?

— Очевидным образом на высшей власти страны во главе с Горбачевым.

— Каковы критерии такой оценки?

— Чтобы оценить поведение высшей советской власти как предательское или отвергнуть такую оценку, надо, во-первых, исходить из долга власти по отношению к подвластному населению. Этот долг состоит в том, чтобы сохранять и укреплять сложившийся социальный строй, охранять территориальную целостность страны, укреплять и защищать суверенитет страны во всех аспектах ее социальной организации (власти, права, экономики, идеологии, культуры), обеспечивать личную безопасность граждан, охранять систему воспитания и образования, социальные и гражданские права, короче говоря — все то, что было достигнуто за советские годы и что стало привычным образом жизни населения. Власть знала об этом. Население было уверено в том, что власть будет выполнять свой долг, и доверяло власти. Выполнила власть этот долг или нет? Если нет — почему?

Во-вторых, надо выяснить, действовала советская власть самостоятельно или манипулировалась извне, планировалось ее поведение кем-то вне страны или нет, действовала власть в интересах этой внешней силы или нет?

Реальность советской истории после 1985 года такова, что оценка поведения советской власти как предательства по отношению к подвластному населению не вызывает никакого сомнения у объективного наблюдателя. Тут мы имеем классически явный образец предательского поведения. Эта оценка не была высказана какими-то авторитетными силами потому, что таких сил просто не было и нет. Внешние силы, манипулировавшие советской властью, умышленно поощряли предательство, изображая его в пропаганде в ложной форме добра, а внутри страны не оказалось сил, способных дать оценку власти как предательства и действовать по отношению к власти так, как положено поступать с предателями. Население стало либо сообщником и орудием предательства, либо осталось пассивным (равнодушным) к нему. Большинство вообще не поняло происходившего. А когда начали что-то понимать, предательство уже совершилось.

— Сыграло ли это предательство решающую роль в крахе советской социальной системы и страны в целом?

— Если понимать слово «решающая» в том смысле, что не будь этого предательства, то социальный строй Советского Союза и сам Советский Союз уцелели бы и страна избежала бы катастрофы, то скорее всего на поставленный вопрос можно ответить утвердительно. Вероятность такого исхода холодной войны усиливалась тем обстоятельством, что на последнем этапе войны западная стратегия почти на сто процентов строилась именно в расчете на это предательство.

— Почему предательство осталось ненаказанным?

— Потому что инициаторы и руководители (организаторы) предательства вовлекли в ситуацию предательства многие миллионы советских людей, «утопив» свое личное предательство в массовом предательстве и сняв с себя тем самым ответственность за него. Кроме того, вся система советской власти была организована так, что массы подвластного населения были полностью лишены социально-политической инициативы. Последняя была монополией власти. А в рамках самой власти она сосредоточивалась в ее верхах, лишь в ничтожной мере распределяясь по ее иерархическим ступеням. Население было приучено полностью доверять власти. А внутри власти это доверие фокусировалось на ее верхушку. Людям в голову не приходила мысль, что верхи могут встать на путь предательства. Так что когда процесс предательст-

ва начался, население восприняло его как мероприятие власти, и аспект предательства остался незамеченным.

— А сейчас?

— Сейчас в стране господствуют те, кто сами были предателями или воспользовались последствиями предательства в своих интересах. Предателей некому судить.

— Американские генетики открыли основу супружеской измены в генах. Возможно ли нечто подобное в отношении предательства, о котором мы говорили?

— Современная «наука» может обосновать любую чепуху. Если американцам будет выгодно такое «открытие» в отношении социального предательства, они это немедленно сделают.